

Музеи Казанского университета обладают коллекцией почти в 1 000 000 экспонатов. Старейшая часть этого собрания имеет возраст более 200 лет и связана с именем светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. Музеи университета создавались в первую очередь как учебные, поэтому и пополнялись за счет научных экспедиций, целенаправленных закупок, а иногда и дарений со стороны увлеченных коллекционеров.

Первый взгляд на некоторые, порою совсем неброские экспонаты не позволяет установить их подлинную историю. Иногда, чтобы ее раскрыть, нужно обратиться к целому ряду других источников (устных, архивных, изобразительных). Эта работа сотрудников музеев напоминает детективное расследование, задача которого заставить музейные экспонаты рассказать о себе. Тогда эти «знакомые-незнакомцы», которых в недрах университетских музеев видимо-невидимо, становятся понятными, узнаваемыми и родными.

С ноября этого года музеи Казанского университета каждую неделю будут представлять вниманию читателей историю про один экспонат из богатейшего университетского собрания. Ведь в постоянных экспозициях музеев университета, в витринах можно увидеть только часть уникального университетского наследия.

Сегодня вашему вниманию будет представлена история экспоната, имеющего сказали бы опытные музейщики, «не экспозиционный» вид. Действительно, шесть огромных пятен от восковой печати, загрязнения, утраты текста, разрывы и т.п. Это «Свидетельство» большого формата (32 см. на 50 см.) с широкой ажурной рамкой, отпечатанное в университетской типографии. На нем сохранилась восковая печать и подлинные автографы знаменитых университетских деятелей. Его хранили в семье сложенным в трое, поэтому восковая печать отпечаталась шесть раз. В самом центре имеются утраты в имени и фамилии владельца «Свидетельства». Фамилия полностью воспроизведена карандашом на полях.

Текс документа гласит:

Свидетельство

Объявитель сего иностранец, французский подданный Ф[р]а[н]ц [Таб]уре, был испытан Отделением словесных наук при Казанском университете в знании французского языка. [По испытании сем] оказалось, что он говорит по-французски хорошо, и может обучать первым началам языка сего; почему Советом Императорского Казанского университета положено дозволить ему обучать началам французского языка в частных домах партикулярно. В удостоверение чего и дано ему сие свидетельство за надлежащим подписом и с приложением университетской печати. Казань, августа 11го дня 1825 года.

Ректор Императорского Казанского университета, публичный ординарный профессор, доктор медицины и хирургии, многих ученых обществ как российских, так и иностранных член, статский советник и орденов: Св. Анны 2-го класса и Св.

Равноапостольного князя Владимира 4-й степени кавалер *Карл Фукс* (подпись автограф)

Исправляющий должность Секретаря Совета, экстраординарный профессор российской словесности, начальник университетской типографии и Синдик *Григорий Суровцев* (подпись автограф)

№ 962

Коллежский регистратор *Суворов* (подпись автограф)

Таким образом, перед нами свидетельство, дающее разрешение иностранцу, французскому подданному преподавать в частных домах, т.е. работать домашним учителем, гувернером. Да еще и с подписью ректора университета Карла Фукса, что тоже является большой редкостью.

ФУКС К.Ф.

Домашнее образование было достаточно распространено, особенно в семьях привилегированных сословий. Это объяснялось целым рядом причин: проживанием дворянства в поместьях вдали от учебных заведений, нехваткой казенных училищ и гимназий, недоверием к ним дворянства и т.п. Правительство еще со времен Елизаветы Петровны (указ 1757 г.), заботясь о нравственном и образовательном уровне педагогов, предписывало принимать в звание домашнего наставника или учителя только человека, получившего аттестат. С появлением университетов, экзаменационные функции были возложены на ученых мужей. Периодически по поручению попечителя учебного округа проводились проверки среди домашних учителей и выявлялись лица, ведущие незаконно обучение.

В Казанском учебном округе подобную работу активизировал попечитель М.Л. Магницкий в конце 1819 – начале 1822 г. В числе сведений, поданных попечителю, был и наш знакомый – француз Табуре. Он жил в поместье Веры Куроедовой – помещицы Бугурусланского уезда Оренбургской губернии в качестве учителя французского языка, всеобщей истории и географии.

Оказалось, что еще 6 февраля 1821 г. от Симбирского гражданского губернатора сроком на 6 месяцев был выдан вид на жительство «иностранцу, французскому подданному, уроженцу Департамента Нормандии, города Руана французу Франсье Табуре с женою Лукерьею Ивановою Кец и детьми: Александром, Федором и Мариєю».

Вид на жительство содержал описание внешности человека, его приметы: «отроду 59 год, рост средний, волосы и брови, русые, редкие с сединою, глаза большие с такими же нижними веками, нос продолговат и остроконечен, рот умеренный, подбородок круглый, лицо белое с двумя по одному небольшим родинками, особые приметы: не имеет». В итоге, вид на жительство у Табура был просрочен, он без разрешения уехал в другую губернию, проживал в доме Куроедовой без письменного вида. Аттестата от училищного начальства для обучения юношества не имел, как и свидетельства о крещении. Из объяснения самого Табура

следовало, что он действительно нигде не был экзаменован, его отец был фабрикантом, сам он учился в Руанской семинарии. Отбыл из Франции в апреле 1802 г., в мае того же года прибыл в С. Петербург. Из Симбирска выехал в апреле 1821 г. и занимался обучением детей французскому языку в доме Куроедовой.

В 1825 г. помещица Куроедова была оштрафована на 100 руб. «задержание учителя французского языка Табуре без установленного свидетельства». Деньги поступили в Правление Казанского университета и были направлены в Приказ общественного призрения.

Как мы видим в 1825 г. Франц Табуре, занимаясь в России более 20 лет частной практикой, получил от университета свидетельство и мог преподавать французский язык на законных основаниях. Позднее он упоминается в числе домашних учителей Казанской губернии.

Таким образом, оказавшись в России в период наполеоновских войн, Франц Табуре пополнил огромную армию мигрантов. Преподавание родного языка стало для него основным источником средств к существованию. Судя по тому, что он сумел сдать экзамен в университете, Табуре действительно мог грамотно писать и изъясняться на-французском. Подобным «Свидетельством» иностранец дорожил. Оно давало ему возможность преподавать и в частных, и в государственных учебных заведениях, обеспечивая себя и семью небольшим, но стабильным заработком, впоследствии и пенсией. Воспользовался ли он этой возможностью неизвестно...

А его «Свидетельство» было подарено в 2004 г. Казанскому университету на 200-летний юбилей.

Восстановить историю этого документа помогли документы фонда Совета Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа из Национального архива Республики Татарстан.

Материал подготовила:

*директор музея истории Казанского университета, кандидат
исторических наук Фролова Светлана Анатольевна*